

ЯЗЫК ПРАВА

УДК 343.1, ББК 67.410.2-32, ГРНТИ 10.227, КОД ВАК 22.00.03.

А. Е. Казанцева

Барнаул, Россия

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМАЯ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В настоящей статье рассматривается вопрос об использовании в наследственном законодательстве терминологии, которая не соответствует фактическим обстоятельствам. Это показано на примере наименования двух важных субъектов отношений, регулируемых нормами наследственного права, – наследодателя и наследника, а также пережившего супруга, которые в некоторых случаях используются ошибочно. Так, законодатель считает, что против жизни и здоровья умершего лица, то есть наследодателя, можно совершить умышленные противоправные действия, что такие действия можно совершить против наследника, которого еще нет, потому что наследник появляется только в случае смерти возможного наследодателя. Поскольку лицо, посягающее на жизнь и здоровье возможного наследодателя или иных возможных наследников, еще не имеет права наследования, то его нельзя лишить этого права, а поэтому завещанием возможного потерпевшего наследодателя нельзя восстановить право наследования возможного наследника. Закрепленная в законодательстве ошибочная терминология приводит к ошибочности толкования некоторых положений закона судебными органами. Например, Конституционный суд РФ считает, что наследодателю, то есть умершему лицу, принадлежит право завещать и право наследовать. Верховный суд РФ также использует указанную ошибочную терминологию. В этом проявляется заблуждение не только законодателя, но и доктрины. В многочисленных диссертациях, монографиях, учебниках, комментариях и статьях цивилисты не обращают внимания на терминологию. Как и закон, они не различают наследодателя и возможного наследодателя, возможного наследника и наследника, наследственную правоспособность и право наследования. В некоторых работах последнего времени указывается, что наследственная правоспособность возникает вместе с правом наследования, существует также мнение,

вопреки указанию закона, что наследник появляется не в момент открытия наследства, а после принятия наследства. Таким образом, можно сделать вывод, что неправильно выраженная мысль законодателя влечет за собой ошибки в правоприменительной деятельности и доктрине.

Ключевые слова: возможный наследодатель, недостойный наследник, завещание, отказ от наследства.

Сведения об авторе: Александра Ефимовна Казанцева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, каб. 415. E-mail: 632750@mail.ru.

A. E. Kazantseva

Barnaul, Russia

LEGAL TERMINOLOGY USED IN HEREDITARY LEGISLATION

This article discusses the usage of inheritance law terminology that does not correspond to the factual background. It is illustrated by sometimes misused names of two important subjects of relations that fall under the regulations of inheritance law: testator and inheritor, and surviving spouse. Legislator believes that one can carry out unlawful actions against the life and health of the deceased, that is the testator, they believe that the deliberate unlawful actions may be carried out against the inheritor that does not exist yet because they only appear in case of potential testator's death. A person carrying out unlawful actions against life and health of the potential testator and other potential inheritors cannot lose the right to inherit because they technically do not yet have this right. According to the above mentioned, the right of the potential inheritor to inherit cannot be restored by the will of the potential testator. The erroneous terminology enshrined in the law leads to the misinterpretations of some provisions of law by the Judicial Authorities. Thus, the Constitutional Court of the Russian Federation believes that the testator, that is deceased, has the right to devise and bequeath and the right to inherit. The Supreme Court of the Russian Federation also uses the above mentioned erroneous terminology. This shows not only legislator's misconceptions but also errors in the doctrine. Specialists in civil law ignore terminology in the numerous dissertations, monographs, books, comments and articles. Alike the law they do not distinguish between testator and potential testator, inheritor and potential inheritor, the legal capacity to inherit and the right to inherit. Some of the recent works say that the legal capacity to inherit appears together with the right to inherit. Despite the letter of law there is also an opinion that the inheritor appears after accepting the inheritance not at the opening of the inheritance. Thus, we can conclude that a wrongly expressed legislator's idea leads to mistakes in law enforcement and doctrine.

Key words: possible heir, unworthy heir, testament, the rejection of the inheritance.

About the author: Aleksandra Efimovna Kazantseva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Altai State University. Department of Law, Prospect Sotsialisticheskiy, d. 68, office 415. Barnaul, 656049. E-mail: 632750@mail.ru.

Правильную однозначную терминологию, сложившуюся в законодательстве, доктрине и на практике, трудно переоценить, потому что следствием ее всегда будет однозначное понимание определенного правового явления. Как отмечал С. С. Алексеев, «юридическая терминология необходима <...> потому, что во многих случаях без нее невозможно с необходимой точностью выразить мысль законодателя» [Алексеев 1993: 157].

Наследственное право появилось сотни лет тому назад. Казалось бы, терминология наследственного законодательства должна быть четкой и однозначной, однако это не так. До настоящего времени на терминологию, используемую наследственным законодательством, никто не обращал и не обращает внимания, хотя нередко сам законодатель выражает свои мысли без «необходимой точности», используя ошибочные термины, которые затем повторяют правоприменители и доктрина. Показательным в этом отношении являются такие термины, используемые наследственным законодательством, как *наследодатель* и *наследник*. Но прежде необходимо отметить, что каждый живой человек является одновременно возможным наследником и возможным наследодателем, хотя никто заранее не знает, кем станет прежде. При этом у каждого возможного наследника имеется свой круг возможных наследодателей, а у каждого возможного наследодателя – свой круг возможных наследников, потому что наследование носит в основном семейно-родственный характер, который может быть изменен только завещанием. Возможный наследник обладает наследственной правоспособностью по отношению к своему кругу возможных наследодателей. Этому как раз не учитывает законодатель, который не различает возможного наследодателя и наследодателя, возможного наследника и наследника, а также правопреемника.

Согласно ст. 1113 ГК РФ наследство открывается смертью гражданина или объявления гражданина умершим. Таким образом, наследодателем признается умершее лицо либо лицо, объявленное судом умершим. Смерть гражданина открывает наследство и порождает наследственное правоотношение с участием наследника или наследников, призванных к наследованию. Но законодатель трактует понятия наследодатель и наследник по-своему, иллюстрацией чему служит содержание ст. 1117 ГК РФ, которая называется «Недостойные наследники».

Согласно п. 1 ст. 1117 ГК РФ «не наследуют ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников <...> способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке <...> Однако граждане, которым наследодатель после утраты ими права наследования завещает имущество, вправе наследовать это имущество».

Умышленным противоправным действием, «направленным против наследодателя» в данном случае является убийство или посягательство на убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, оставление в опасности и др. Можно ли убить или посягать на убийство **наследодателя**, то есть умершего человека? Может ли наследодатель завещать имущество? Ответ очевиден, но только не законодателю. В данном случае речь идет о возможном наследодателе, но прилагательное «возможный» применительно к наследодателю законодатель не использует.

Пока не наступит смерть, наследодателя нет, как нет еще и его наследников. Поэтому наследники не могут совершить умышленные противоправные действия против наследодателя или других наследников. Такие действия могут совершить только возможные наследники, у которых нет права наследования. Поэтому суд может лишить их не права наследования, а

наследственной правоспособности по отношению к потерпевшему возможному наследодателю.

Смерть гражданина прекращает его гражданскую правоспособность (ст. 17 ГК РФ), поэтому наследодатель не может обладать какими-либо субъективными правами. Но, как отмечает Конституционный Суд РФ, «право наследования, предусмотренное статьей 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации и более подробно урегулированное гражданским законодательством, обеспечивает гарантированный государством переход имущества, принадлежавшего умершему (наследодателю), к другим лицам (наследникам). Это право включает в себя как право наследодателя распорядиться своим имуществом, так и право наследников на его получение. Право наследования в совокупности двух названных правомочий вытекает и из статьи 35 (часть 2) Конституции Российской Федерации, предусматривающей возможность для собственника распорядиться принадлежащим ему имуществом, что является основой свободы наследования»¹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ считает, что право наследования принадлежит наследодателю и наследникам, поскольку наследодатель вправе распорядиться своим имуществом. Однако наследодатель уже ничем не может распорядиться. Распорядиться своим имуществом может живой человек, являющийся дееспособным в полном объеме. Следовательно, Конституционный Суд РФ также не различает наследодателя и возможного наследодателя.

Это присуще и Верховному Суду РФ. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании»² отмечается, что указанные в абзаце первом п. 1 ст. 1117 ГК РФ противоправные действия, направленные против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.02.1996 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй ст. 560 Гражданского кодекса РСФСФ в связи с жалобой гражданина А.Б. Наумова». Собрание законодательства РФ. 1996. № 4. Ст. 408.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». СПС КонсультантПлюс

завещании, являются основанием к утрате права наследования при умышленном характере таких действий и независимо от мотивов и целей совершения (в том числе при их совершении на почве мести, ревности, из хулиганских побуждений и т. п.), а равно вне зависимости от наступления соответствующих последствий (подп. а, п. 19).

Поскольку указанные противоправные действия совершает возможный наследник, то у него еще нет права наследования, следовательно, его нельзя лишить того, чего он не имеет. В этом случае возможный недостойный наследник утрачивает наследственную правоспособность по отношению к своему потерпевшему возможному наследодателю.

Законодатель не учел и того, что у наследодателя не может быть нетрудоспособных иждивенцев, несовершеннолетних детей, нетрудоспособного супруга и иных нетрудоспособных родственников (ст. 1148, 1149 ГК РФ).

Смешение законодателем возможных наследников и наследников проявляется в абзаце 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ.

Первоначально абзац 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ предусматривал, что наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства, в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии.

Возможный наследник по завещанию или по закону становится наследником, если призывается к наследованию. Действующее законодательство не устанавливает какой-то специальной процедуры призвания возможного наследника к наследованию. Это делает сам возможный наследник. Зная своих возможных наследодателей, в случае смерти одного из них он сам заявляет о своем праве принять наследство или отказаться от его принятия, хотя он может ошибаться. При наличии завещания, о котором возможный наследник не знал и которым он лишен наследства, он не призывается к

наследованию. Факт лишения наследства выявляется, как правило, при обращении лица, считающего себя наследником, к нотариусу, который может сообщить ему об этом. Возможный наследник по закону, например, второй очереди, также может ошибаться, считая себя наследником в момент открытия наследства. Он может до этого момента не знать, что у возможного наследодателя был внебрачный ребенок, который является наследником первой очереди. В таком случае наследник второй очереди не призывается к наследованию.

Буквальное толкование абзаца 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ в первоначальной редакции позволяло сделать вывод, что наследник вправе отказаться от наследства как в пользу других наследников, так и в пользу любых возможных наследников по закону последующих очередей, в том числе в пользу наследников, наследующих по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии.

Однако Конституционный Суд РФ признал абзац первый п. 1 ст. 1158 ГК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации в силу неопределенности его нормативного содержания в части определения круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, допускающим возможность неоднозначного истолкования и поэтому произвольного применения института направленного отказа от наследства в этой части.

Он обязал федерального законодателя внести в правовое регулирование отказа от наследства в пользу других лиц надлежащие изменения, вытекающие из требований Конституции Российской Федерации и настоящего Постановления¹.

В 2016 году в абзац 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ внесены изменения². Новая редакция абзаца 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ изложена следующим образом:

---

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука». СПС КонсультантПлюс.

²Федеральный закон от 15.02.2016 № 22-ФЗ «О внесении изменения в статью 1158 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». СПС КонсультантПлюс.

«Наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди независимо от призвания к наследованию, не лишенных наследства (пункт 1 статьи 1119), а также в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления (статья 1146) или в порядке наследственной трансмиссии (статья 1156)».

Содержание данного абзаца фактически не изменилось, потому что он допускает отказ от наследства как в пользу других наследников по завещанию или по закону, так и в пользу возможных наследников по закону последующих очередей, а также наследующих по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии.

Иную позицию по вопросу о том, в пользу кого можно отказаться от наследства, занимает Верховный Суд РФ. Согласно п. 44 указанного выше постановления Верховного Суда РФ отказ от наследства в пользу других лиц (направленный отказ) может быть совершен лишь в пользу лиц из числа наследников по завещанию, а также наследников по закону любой очереди, которые призваны к наследованию. По сути, Верховный Суд РФ применил ограничительное толкование данного законоположения.

Фактически эту позицию поддержал и Конституционный Суд РФ. В приведенном постановлении он указал, что абзац первый пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации в его ныне действующем официальном судебном толковании не подлежит применению при пересмотре вышестоящими судебными инстанциями судебных постановлений нижестоящих судов, принятых по делам, связанным с определением круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, в рамках наследственных правоотношений, возникших до 29 мая 2012 года. Применительно к наследственным правоотношениям, возникшим после этой даты, сохраняет свое действие официальное судебное толкование абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации, данное в

постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

С положением о том, что отказ от наследства может совершаться в пользу реальных наследников, то есть призванных к наследованию, а не возможных наследников по закону последующих очередей следует согласиться, поскольку это соответствует предполагаемой воле возможного наследодателя. Тот факт, что наследование чаще открывается по закону, нежели по завещанию, свидетельствует о том, что большинство граждан устраивает законный порядок наследования, так как они знают, что приобретенное и сохраненное ими имущество в случае их смерти перейдет к их самым близким родственникам. К сожалению, это не учел законодатель в абзаце 1 пункта 1 ст. 1158 ГК РФ.

Поскольку абзац 1 пункта 1 ст. 1158 ГК РФ в новой редакции не изменил круг лиц, в пользу которых можно отказаться от наследства, то не может применяться в этой части п. 44 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Но Конституционный Суд РФ фактически способствует признанию судебных прецедентов, что нельзя оценить положительно.

В ст. 1050 ГК РФ используется такое понятие как «переживший супруг». Супругами признаются лица разного пола, состоящие в зарегистрированном браке. Если брак прекращается, то прекращаются супружеские правоотношения и супруги теряют статус супругов. Брак прекращается вследствие смерти или вследствие объявления судом одного из супругов умершим (п. 1. ст. 16 Семейного кодекса Российской Федерации). Таким образом, в случае смерти одного из супругов пережившего супруга не остается, но появляется вдова или вдовец [Ожегов 1987: 62]. Именно эти термины необходимо использовать в названии и содержании ст. 1150 ГК РФ.

С момента принятия наследства наследник теряет свой статус и приобретает статус правопреемника, что опять-таки не учитывает действующее законодательство. Поэтому преимущественное право на получение своей наследственной доли при разделе имущества имеет *правопреемник*. Он же

должен исполнить завещательный отказ или завещательное возложение, а также отвечает по унаследованным долгам. Поэтому в главе 65 ГК РФ, а также в статьях 1137, 1138 ГК РФ слово *наследник* целесообразно заменить на *правопреемник*.

В существующих кандидатских и докторских диссертациях, монографиях, статьях по наследственному праву, учебниках, комментариях к ГК РФ также не различаются понятия *наследник* и *возможный наследник*, *наследодатель* и *возможный наследодатель*, *наследственная правоспособность* и *право наследования*, *наследник* и *правопреемник*.

Следует согласиться с Д.А. Керимовым, что нарушение логики закона, неточность его понятий, формулировок, неопределенность использованных терминов порождают многочисленные запросы, влекут изменения и дополнения, различные толкования и разъяснения, вызывают непроизводительную трату времени, сил и энергии, одновременно являясь питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять [Керимов 2000: 55].

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что ошибочная терминология, применяемая законодателем, приводит и к их ошибочному доктринальному и судебному толкованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. В 2-х тт. Свердловск, 1973. Т. 2.
2. *Керимов Д. А.* Законодательная техника. М., 2000.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1987.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Issues of Legal Theory [Problemy teorii prava]. In two parts. Sverdlovsk, 1973. Part 2.
2. Kerimov D. A. Legislative technique [Zakonodatel'naya tekhnika]. Moscow, 2000.
3. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language [Slovar russkogo yazyka]. Moscow, 1987.